

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.2-283-304

УДК: 94.323.1 (571./5)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ Организации в этнической и мигрантской инфраструктуре Сибирского города (на примере Томска и Иркутска)*

Дятлов Виктор Иннокентьевич,

доктор исторических наук,

профессор кафедры мировой истории и международных отношений

Иркутского государственного университета,

Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1;

ведущий научный сотрудник

лаборатории социально-антропологических исследований

Национального исследовательского Томского государственного университета,

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

ORCID: 0000-0003-3584-6009

vikdyatlov@yandex.ru

Нам Ираида Владимировна,

доктор исторических наук,

профессор кафедры антропологии и этнологии,

заведующий лабораторией социально-антропологических исследований

Национального исследовательского Томского государственного университета,

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

ORCID: 0000-0002-3636-7539

namirina@bk.ru

Аннотация

В статье рассматривается один из главных узлов противоречивых интересов и роли заинтересованных акторов городского сообщества относительно национально-культурных организаций (НКО). Рассматривается, почему и как национально-культурные автономии (НКА), объединения, общества, центры, фонды и др. оказались на пересечении этнического и миграционного дискурсов. Анализируется их роль и место в создаваемой и используемой мигрантами городской инфраструктуре. Показано, как складывалось взаимодействие органов государственной власти на региональном уровне с диаспоральными организациями. Основа исследования —

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц» № 18-18-00293.

многолетнее (около 30 лет) изучение этой стороны деятельности НКО в двух сибирских региональных столицах – Томске и Иркутске (личные наблюдения, участие в общественных мероприятиях и деятельности общественных и консультативных советов, серии интервью и опросов, материалы самих НКО и городских властей, масс-медиа). Исследования позволяют определить место НКО в мигрантской инфраструктуре города, выяснить, чем были для них мигранты – субъектом/объектом патерналистской деятельности или инструментом накопления социального капитала лидерами и активистами. Анализ результатов проведенного в 2018–2019 гг. в двух городах исследования (глубинные интервью и анкетный опрос) позволил существенно скорректировать выводы исследований предыдущих лет. Показано, что мигранты выступают в деятельности НКО не в качестве полноправного субъекта, а как объект покровительства со стороны глубоко интегрированной в местное общество этнической элиты (или слоя активистов, позиционирующих себя в таком качестве). Отмечено, что роль НКО в оказании мигрантам реальной поддержки (социальной, экономической, правовой) не слишком значительна. Лишь малая часть мигрантов участвует в культурных мероприятиях, устраиваемых национальными организациями. НКО вряд ли можно рассматривать как элемент мигрантской инфраструктуры и как инструмент их самоорганизации и адаптации. Показано, что взаимоотношения с «исторической родиной», необходимые для удовлетворения этнокультурных потребностей членов, статусных амбиций лидеров НКО, нередко порождают проблему «конфликта лояльностей», особенно при активной диаспоральной политике некоторых «государств исхода».

Ключевые слова: диаспора, мигранты, мигрантская инфраструктура, национально-культурная автономия, национально-культурные организации, этническая идентичность, историческая родина.

Библиографическое описание для цитирования:

Дятлов В.П., Нам И.В. Национально-культурные организации в этнической и мигрантской инфраструктуре сибирского города (на примере Томска и Иркутска) // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 1, ч. 2. – С. 283–304. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.2-283-304.

Национально-культурные общества и организации повсеместно возникли в городах России в последние месяцы советской власти. В нашей предыдущей статье [5] мы попытались показать, каким образом они стали существенным элементом нового общественно-политического дизайна. В качестве общественных организаций, предназначенных для удовлетворения этнокультурных потребностей представителей национальных меньшинств, они стали частью формирующегося гражданского общества. Власти различных уровней возлагали на них надежды как на видимый и институционально оформленный инструмент «национальной политики». Лидеры и активисты НКО, которых часто определяют как «этнических предпринимателей», зарабатывали символический капитал,

статусное место в городском сообществе, осуществляя представительские, коммуникативные и посреднические функции в качестве «начальников диаспор».

Одним из основных объектов их сотрудничества стали трансграничные трудовые мигранты, проблема контроля над которыми является предметом глубокой озабоченности властей и неоднозначного отношения к ним тех жителей города, которые считают себя их соотечественниками. Эта задача фактически стала главной для «мигрантских» НКО вопреки тому, что это не предусматривалось нормативными документами. Вопрос о том, почему миграционная ситуация стала рассматриваться в этническом ракурсе, причем как лидерами и активистами НКО, так и настойчиво требующими этого от них властями, является **центральным** для нашей статьи. Почему, каким образом и с какими результатами общественные организации, призванные удовлетворять культурные потребности своих членов, активно включились в дело экономической и социальной адаптации мигрантов? Почему эта функция была принята и одобрена властями? И почему это произошло почти автоматически, без особенной рефлексии, как дело совершенно естественное и очевидное?

Еще одна задача заключалась в выявлении отношения самих мигрантов к деятельности НКО. Нам важно было понять, чем являются для НКО мигранты – объектом патерналистской деятельности или инструментом накопления лидерами и активистами социального капитала? Какое место занимают НКО в мигрантской инфраструктуре города, и сколь значима их роль в адаптации/интеграции мигрантов в принимающем сибирском социуме?

Не менее сложные проблемы возникли перед теми НКО, которые претендуют на представительство интересов «диаспоральных групп», подразумевающих существование «внешней национальной родины» [1] или «страны исхода». Задача поддержания этнической идентичности, сохранения, развития, в сущности, «изобретения» [17] «национальной культуры» не мыслится в этом случае без теснейших контактов и взаимодействия с тем, что считается «исторической родиной», и, неизбежно, с ее властями. Формируется теперь уже треугольник, в котором сходятся интересы НКО и властей двух стран, что может привести к появлению проблемы «двойной лояльности».

Мы сделали попытку рассмотреть эти проблемы через конкретику локальных кейсов – деятельности национально-культурных организаций Томска и Иркутска. Это крупные провинциальные центры с высокообразованным населением, развитой образовательной и научно-исследовательской инфраструктурой, тесными связями с миграционными зарубежными донорами, сильной промышленной базой [6, 14]. Этот выбор позволил, с

одной стороны, выявить или подтвердить региональным материалом некоторые общие процессы, связанные с деятельностью НКО в России, а с другой – увидеть возможную региональную специфику старых, традиционных столиц переселенческого сибирского общества [2, 9].

Поставленные задачи предопределили структуру статьи. В первом разделе анализируется роль НКО в мигрантской инфраструктуре города и в оказании помощи мигрантам. Основная задача второго раздела – выявить проблемы, встающие перед теми НКО, которые претендуют на представительство интересов «диаспоральных групп».

Мигранты для НКО: субъект, объект, инструмент накопления социального капитала?

НКО изначально предназначались для деятельности исключительно на национальной, этнокультурной площадке. Это следует из российского законодательства и уставных документов организаций. Федеральный закон о национально-культурных автономиях (НКА) имел целью ввести в правовое поле понятие «национальное меньшинство» и отделить «меньшинства», с одной стороны, от «титального населения», а с другой – от «мигрантов» [13, с. 203].

Ситуация радикально изменилась с появлением массовых трансграничных трудовых миграций. Местные власти, шокированные масштабом проблемы, ее потенциальной конфликтностью, но не имеющие опыта, рутинных практик и нормативной базы для ее решения, вырабатывали свою политику методом проб и ошибок. Долгое время они рассматривали эти проблемы (да и сейчас продолжают это делать) в категориях по преимуществу этнических, а не собственно мигрантских. Это был привычный, господствующий с советских времен примордиалистский дискурс. В мигрантах видели, прежде всего, «этнофоров» – и поэтому логичным было обращение к НКО с требованием, прозвучавшим на заседании Совета по межнациональным отношениям Иркутска (начало 2000-х гг.): «Вы должны контролировать мигрантов, знать, сколько их здесь, кто чем дышит» [7, с. 362]. Мэр Иркутска В. Якубовский потребовал на встрече с лидерами НКО: «Национально-культурные центры, которые расположены в Иркутске, должны помочь городским властям выстроить отношения со своими земляками».

Особенно важна здесь категория долженствования, в которой выдержаны эти и другие официальные и неофициальные заявления чиновников различных уровней и ведомств. НКО рассматриваются в качестве «диаспор» – коллективных национальных тел, к которым принадлежат по факту происхождения и укоренившиеся уже мигранты, граждане РФ, и «новые» мигранты, граждане других стран. Исходя из этого лиде-

ры НКО рассматриваются в качестве руководителей «диаспор», которые имеют возможность контролировать всех ее членов и при необходимости применять к ним санкции. А коль скоро НКО тесно сотрудничают с властями и получают от них финансирование, то они просто обязаны это делать.

Авторы статьи в течение многих лет тесно взаимодействовали с ликвидированной в 2016 г. ФМС. В качестве членов региональных общественных советов службы мы имели возможность наблюдать, как при осуществлении и полицейских, и адаптационных задач ведомство взаимодействовало с лидерами НКО. Некоторые из них входили в состав советов и активно участвовали в их работе. В Иркутске одно из четырех годовых заседаний совета обязательно посвящалось встрече со всеми лидерами НКО. Обычно приглашались также высокопоставленные сотрудники правоохранительных органов, Комитета по труду, экономических ведомств. Обсуждались конфликтные ситуации, общие проблемы пребывания мигрантов в городе. Типична тема совещания УФМС по Иркутской области с руководителями национально-культурных объединений 2 апреля 2009 г.: «Повышение эффективности взаимодействия и выработки мер по профилактике правонарушений со стороны иностранных граждан в условиях глобальных кризисных явлений в экономике» (из личного архива В.И. Дятлова).

При этом, хотя руководители УФМС и особенно правоохранительных органов (УФСБ и УМВД) подчеркивали, что встречаются с лидерами общественных организаций, при обсуждении проблем они обращались к ним как к «начальникам диаспор» с требованиями навести порядок, «осуществлять контроль», «воздействовать на своих». Иногда это была тональность обращения начальника к подчиненным или руководителя одного ведомства к руководителям другого. Руководители НКО против такой тональности разговоров и обсуждений обычно не протестовали, сетуя только на нехватку у них необходимых полномочий.

Конечно, на уровне официальных документов, особенно федерального уровня, такая жесткость риторики отсутствует. Однако мигрантская проблематика неизменно появляется в документах, посвященных национальной политике, в качестве важного поля взаимодействия с НКО. «Стратегия государственной национальной политики РФ» [19] впервые акцентировала внимание на проблемах адаптации мигрантов. Предусматривалось оказание финансовой поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям, включая НКО, реализующим проекты и программы, направленные на интеграцию и адаптацию мигрантов. В ноябре 2014 г. была принята поправка к закону об НКА, дополнившая статью 1 такими целями, как «осуществление деятельности, направленной на социальную и

культурную адаптацию мигрантов» [20]. Задача содействия социальной и культурной адаптации присутствует и в Концепции государственной миграционной политики 2012 и 2018 гг. [21].

О том, что мигрантская проблематика продолжает рассматриваться в контексте национальной политики, свидетельствует «Решение Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» от 4 декабря 2018 г. Не рассматривая подробно суть предлагаемых мер по адаптации мигрантов, отметим, что исполнителем большей их части назначен Совет по делам национальностей. Органам власти субъектов Федерации рекомендовано тесно сотрудничать с «национальными общественными объединениями» и проводить с ними совместные мероприятия, направленные «на формирование и развитие навыков межкультурного диалога и гармонизацию межнациональных отношений». Такое взаимодействие рекомендовано региональным властям и при реализации мер, направленных «на предотвращение формирования этнических анклавов». Для «общественных объединений, содействующих адаптации и интеграции мигрантов», предусмотрено «выделение в отдельное направление грантовой поддержки» [22].

Таким образом, по уже устоявшейся этноцентристской традиции, мигрантская проблематика этнизируется, а задачи по адаптации мигрантов переводятся из социально-экономической области в сферу этническую, по преимуществу культурную. И НКО естественным образом становятся важным участником проведения такой политики. На первый план выходит выполнение представительских и посреднических функций, которые не входят в уставные задачи: взаимодействие с правоохранительными органами, органами труда и занятости, с зарубежными представительствами и структурами, оказание мигрантам правовой и материальной поддержки, содействие их адаптации и интеграции в местное сообщество. Всё это на общественных началах и в статусе общественных организаций, не наделенных соответствующими полномочиями.

Что же заставляет лидеров и активистов НКО (как правило, российских граждан) заниматься такой деятельностью? Было бы неверно отрицать стремление помочь мигрантам с «исторической родиной» в трудном деле адаптации. Мигранты могут рассматриваться также как носители аутентичной национальной культуры метрополии и как важный ресурс в деле воспроизводства этнической идентичности в диаспоре. Очень важен мотив поддержания «национальной репутации», стремление держать новичков под контролем, с тем чтобы они не нарушали законов и норм принимающего общества, «не позорили нацию». Это соображение часто высказывалось активистами НКО в 1990-е гг. Они небезосновательно

опасались того, что негативные этнические стереотипы могут распространиться и на них. В качестве крайнего, исключительного случая «коллективной ответственности» можно привести инцидент 1996 г. в Иркутске, когда подвыпившая компания молодых приезжих армян спровоцировала в кафе драку, в которой был избит полковник милиции, его жена и гости. Незамедлительно последовала «акция возмездия»: в течение нескольких суток было арестовано более 200 армян, более 50 из них получили телесные повреждения. Аресты продолжались и после того, как хулиганы были задержаны. Судя по откликам иркутской прессы того времени, это не добавило симпатий горожан ни к милиции, ни к мигрантам, ни к армянам [3, с. 155].

Можно утверждать, однако, что основной стимул лидеров НКО – это возможность получить доступ к ресурсам, как символическим, так и материальным. Участие в общественных советах, формальные и неформальные переговоры с представителями государственных и муниципальных структур дают возможность прямого выхода на сильных людей города, а значит, возможность «решать вопросы» не только мигрантские и не только общественные. Открывается доступ в статусную городскую элиту. В свою очередь, это может повышать их ценность в качестве посредников для мигрантов. На заседаниях Общественного совета УФМС Иркутской области неоднократно звучали обвинения в адрес некоторых, правда не называемых, «лидеров диаспор» в том, что они, пользуясь неопытностью мигрантов, предоставляют им платные и при этом недобросовестные посреднические услуги по оформлению регистрационных документов. Но и в тех случаях, когда услуги оказываются бесплатно, они становятся для лидеров НКО инструментом влияния и контроля.

Периодически возникавшие и исчезающие китайские национально-культурные общества Иркутска (как и Томска) отличались, по оценке чиновников городской администрации, полной индифферентностью к национально-культурной проблематике (они не устраивали собственных культурных мероприятий и не участвовали в общегородских). По словам лидера «Китайского общества», «мы хотим привить китайцам-предпринимателям навыки цивилизованной торговли, познакомить их с российским законодательством. Наша главная задача – научить наших соотечественников жить и торговать по российским законам». На практике это означало оказание консультационно-посреднических услуг, урегулирование постоянно возникающих проблем с властями, особенно налоговыми органами, неофициальное представительство консульства КНР. Аналогичный набор задач зафиксирован в записи на членском билете «Ассоциации – Азия» (2006 г.): «Все вопросы, касающиеся истребования документов (ст. 93 НК РФ), выемка документов и предметов (ст. 92 НК РФ), а также не-

допустимости причинения неправомерного вреда при проведении налогового контроля (ст. 103 НК РФ) рассматриваются в соответствующей организации, членом которой является данный гражданин КНР».

При необходимости эти общества использовали такой ресурс как официальный статус и возможность прямого обращения к властям. Характерна стилистика «Коллективной жалобы» на имя мэра Иркутска: «Мы, члены Иркутской общественной некоммерческой организации “Китайское общество”, от имени китайских торговцев с “Шанхайского рынка” и от имени всей многочисленной китайской диаспоры в России просим навести законный порядок на “Шанхайском рынке”, официально именуемом “Торговая площадь”» [23, с. 114]. Суть жалобы – незаконные поборы администрации рынка при регулярном перераспределении торговых мест. Общество требует согласовывать с ним все реорганизации, прекратить практику незаконных поборов, выделить китайским торговцам места, которые они сами делили бы между собой.

Лидеры и активисты НКО обычно оценивают свою деятельность в сфере оказания помощи мигрантам в категориях выполнения общественного долга, требующего безвозмездной затраты сил, энергии и денег. Мигранты выступают чаще всего в качестве объекта помощи. Лидеры часто жалуются на равнодушное и потребительское отношение соотечественников к деятельности НКО. Из интервью руководителя азербайджанского НКО «Бирлик» в Иркутске (1999 г.): «Эта организация нужна тем, кто приезжает сюда работать. Многие приехавшие не справились с трудностями, они все равно идут к нам, ко мне. Просят денег, помощи... Для работы с азербайджанцами здесь необходим **председатель**. Тогда все, кто идет к нам в частном порядке, будут обращаться к нему официально. Тогда у нас под контролем будут и наркоманы, и преступники. Мы же и так всех знаем, кто чем дышит. А при сильной, серьезной организации они все будут вынуждены обращаться именно туда. А по отдельности мы так и будем выступать в роли “бюро добрых услуг”, помогая по чуть-чуть. Я готов выделять определенную сумму... на работу председателя. Я говорю, как только мы это сделаем, сразу улучшится атмосфера в Иркутске» [7, с. 365].

Мигранты, в особенности «трудовые», сталкиваются с множеством проблем, которые возникают, прежде всего, в правовом поле и связаны с легализацией их пребывания и трудоустройства, получением медицинской и социальной помощи, поэтому сами нуждаются в посредниках. Чаще всего помощь выражается в разрешении конфликтных ситуаций, возникающих между трудовыми мигрантами и работодателями. Из интервью руководителя НКА таджиков в Томске: «Они где-то работали, зарплату им не выплатили или не полностью выплатили, тогда письмом, начиная от правоохранительных органов до губернатора, затаскаем работодателя. Конечно, если

у мигранта заключен трудовой договор, в противном случае более проблематично. При решении вопроса любого характера статус юридического лица выше физического. Исходя из этого НКА – пробивная организация, и на все свои письма либо требования получает ответ» [11, с. 40].

Эксперты по-разному определяют роль НКО в адаптации и интеграции мигрантов. Одни оценивают ее достаточно высоко: «Роль НКА в адаптации мигрантов, разумеется, очень высокая, потому что это непосредственно люди той же национальности... Трудовые мигранты, когда сюда приезжают, к представителям своей национальности у них гораздо больше доверия, они прислушиваются. Кроме того, представители НКА уже адаптированы здесь, и многие являются гражданами страны и региона не в первом поколении даже, и они выступают таким своеобразным мостом, который связывает вновь прибывших трудовых мигрантов с местным населением, способствует вовлечению и эффективной интеграции» [11, с. 41]. Другие считают ее недостаточно эффективной: «...Оценить деятельность НКА по интеграции мигрантов очень сложно. Она вроде бы как и есть, но она такая, малоэффективная... Административно они эту задачу выполняют, но сущностно... они, по-моему, не выполняют, не справляются с ней» [11, с. 41].

Поэтому важно было выявить отношение самих мигрантов к НКО. Представление о спектре их оценок дают результаты глубинных интервью и анкетного опроса мигрантов из Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана, проведенных в Томске и Иркутске летом и осенью 2018 г. Оказалось, что лишь малая часть трудовых мигрантов (15...20 %) знает об НКО и посещает их мероприятия. Результаты 60 глубинных интервью, проведенных в Томске, хорошо иллюстрируют эти результаты. Интересны здесь, прежде всего, сами оценки, их тональность и стилистика, их корреляция с результатами анкетного опроса. Показательно, что респонденты в своих ответах практически не употребляют официальных названий НКО, предпочитая говорить о «диаспорах» и «общинах», и не видят различий между НКА и «просто» национально-культурными организациями.

Исследование показало, что лишь незначительная часть опрошенных участвует в мероприятиях, проводимых НКО, объясняя это нехваткой времени на досуг: «Да, я слышала, но сама не была; многие ходят, я не хожу; те, кто официально на работе работает, у них выходные бывают, они ходят, в такие дни мы на работе на рынке, что-то я туда не хожу, не знаю» (жен., 40 лет, 2018 г.). «Нет, у меня времени нет общаться, даже неинтересно» (муж., 23 г., 2018 г.). «Иногда только то, что в мечети проходит, а так на концерты, спортивные состязания друзья зовут, но по времени не всегда получается» (муж., 25 лет, 2018 г.).

Назывались следующие источники, механизмы и формы оказываемой мигрантам помощи: «У нас для этого фонд есть, специально собирают деньги каж-

дый район. У нас у каждого района свой старший, каждый район деньги собирает... Каждый месяц у нас 100 рублей. Это взнос... У нас есть волейбольная команда киргизская, есть футбольная... Для них мы покупаем спортивную экипировку, футбол-мячи. И у них взнос есть какой-то турнир выступать. Есть девчонки, танцевальная группа. Им надо национальную одежду, вот это всё. Вот недавно, я тебе скажу, студентку одну, надо было в глазу операцию делать – 9200 нужно было срочно, мы отдали ей и помогли... И ее оперировали. Всё хорошо. И еще, сруз 200 деньги собираем, где-то 10-15 тысяч» (муж. в Томске с 1989 г., 2018 г.).

При этом только пятая часть опрошенных ответили, что они получают поддержку национальных организаций: *«Но знаю, что диаспора помогает нашим соотечественникам с разными проблемами, если, конечно, ты обращаешься к ним за помощью... Я знаю, что и деньгами помогают... Бывает такое, что на пути наших соотечественников встречаются нечестные работодатели, которые могут кинуть. А диаспора кыргызов достаточно авторитетна, и иногда она решает такие вещи. Знаю, что у студентов, которые здесь учатся, тоже бывают проблемы с документами, с учебой, с деньгами, и они часто обращаются к нашим. Они никогда не отказывают, делают все, что в их силах» (муж., 25 лет, 2018 г.).*

Часть мигрантов считает, что НКО ничем не могут, да и не стремятся им помочь, не обращают внимания на конкретные проблемы своих соотечественников, ограничиваясь проведением разного рода мероприятий: *«Но нет, я не вижу и не слышу, что они работают и решают что-то. Просто проводят соревнования, ездят в Красноярск, Новосибирск. Почему они должны поддерживать спортсменов, а не простых матерей-одиночек? Таких мам здесь очень много. А они делают показуху, а дети маленькие так растут. Они вообще не помогают решать проблемы матерей. Моя свекровь общалась с представителями диаспоры, она в основном ходила в кафе, на праздники и на концерты. А то, что внутри, проблемы, они не участвуют в этом. Снаружи всё хорошо, все работают. Да, они в “Факеле” проводят фильмы, концерты, я ходила. Я думала, что они обсуждают что-то, решают проблемы. Может быть, молодежь что-то делает. Ничего подобного, все курят, пьют, танцуют, а реальные проблемы остаются. Я этим недовольна вообще. Диаспору знать не знаю» (жен., парикмахер, 32 г., 2018 г.).*

Некоторые информанты и вовсе негативно оценивают деятельность национальных организаций: *«Знаю, но они бизнесмены, они делают деньги на своих земляках. Это плохо делать бизнес за счет бедных людей, которые приезжают сюда, чтобы заработать, берут деньги в долг. А диаспора еще больше требует деньги за документы и крышу, что потом человек за бесплатно работает, потому что свои же обманули. Много случаев было, когда они забирают документы и не отдают, пока человек не отработает. Я с ними раньше хорошо общался, а потом перестал, когда узнал об этом. Они сами между собой не могут договориться, только считают, что они лучше других» (муж, 50 лет, 12 лет живет в Томске, 2018 г.).*

Таким образом, наши исследования подтверждают данные общероссийских опросов, согласно которым более 70 % мигрантов никогда не слышали об официально зарегистрированных национальных организациях, и тем самым способствуют развенчанию мифа о высокой роли, которую играют НКО как диаспорные организации [10]. НКО вряд ли можно рассматривать как элемент мигрантской инфраструктуры и как инструмент их самоорганизации и адаптации. Мигранты выступают в деятельности НКО не в качестве полноправного субъекта, а как объект покровительства со стороны глубоко интегрированной в местное общество этнической элиты (или слоя активистов, позиционирующих себя в таком качестве), решающей тем самым собственные проблемы.

НКО и «историческая родина»: проблема двойной лояльности

Важную роль в деятельности НКО, которые выступают от имени диаспоральных сообществ, играет функция связи с «исторической родиной». Для них – это возможность удовлетворения ностальгических чувств, важнейший инструмент поддержания, развития, иногда (и часто) конструирования элементов национальной культуры, канал доступа к символическим и материальным ресурсам, дополнительный символический капитал лидеров. Это официально признанная и общественно одобряемая функция.

Для российских центральных властей зарубежные связи НКО – это инструмент «мягкой силы» и дополнительный ресурс в межгосударственных отношениях, механизм контроля над общественно-политической активностью «лидеров диаспор». Для местных властей – это «народная дипломатия», использование НКО как посредника в установлении и поддержании потенциально выгодных для региона международных связей. Это возможность принять участие в международной деятельности, что повышает самооценку и символический капитал региональных политиков и администраторов.

Сложно говорить об интересах и политике «исторической родины» как с точки зрения неопределенности и субъективности самого этого понятия, так и в силу многообразия олицетворяющих этот конструкт субъектов. Спектр отношения здесь велик – от полного игнорирования существования диаспор до интенсивной их поддержки и прагматического использования [18]. НКО могут рассматриваться и использоваться как ресурс, как символическое достояние, как хранитель «первозданной», аутентичной культуры, утерянной в метрополии, как объект покровительства и этнического туризма. Для государственных структур они могут иногда быть потенциальным инструментом осуществления внутри- и внешнеполитических целей.

Насколько совпадают и насколько расходятся интересы участников этого треугольника, имеется ли здесь почва для конфликта интересов? По закону НКА имеет право вступать в отношения с негосударственными зарубежными акторами – общественными организациями и частными лицами. Насколько это соотносится с представлением об «исторической родине»? И что вообще это такое – «историческая родина»? Государство, страна, территория, общество, культура, миф?

Теоретически зарубежные связи, опора на ресурсы «исторической родины» необходимы НКО для поддержания и развития этнической идентичности. И тогда имеет ли значение то, что «общество исхода» исторически может и не совпадать с современными границами государства? По факту «историческая родина» сейчас – это то, что расценивается в таком качестве, как государственно организованное этнокультурное сообщество.

Соответственно, поддержание контактов и взаимодействия со «страной исхода» трудно осуществимо, если вообще возможно, в обход государства. Получение помощи при создании и поддержании в рабочем состоянии системы образования (обычно это воскресные языковые школы и курсы), система регулярных культурных обменов (поездок, стажировок, летних детских лагерей, праздничных и мемориальных мероприятий), возможность облегченного доступа к среднему и высшему образованию, получение учебников и литературы – всё это трудно осуществимо без одобрительной санкции или прямой помощи властных структур.

Как правило, власти «государств исхода», если они проводят активную диаспоральную политику, выступают в роли «внешней национальной родины». По словам Р. Брубейкера, «национализмы родины ориентированы на граждан других стран, воспринимаемых в качестве этнокультурно родственных. “Родина” считает своим правом и обязанностью следить за тем, как живут “соплеменники” в других странах, оказывать им разного рода помощь, поддерживать их политическую активность, их организации и пр. В целом – защищать права и интересы “своих” (слово “своих” я ставлю в кавычки, дабы подчеркнуть проблематичность использования здесь этого на первый взгляд невинного притяжательного местоимения)» [1, с. 10].

Наиболее удобный и привычный властям инструмент такого рода политики – институты, официально зарегистрированные общественные организации, выступающие от имени «диаспор». В отечественной практике эти организации на языке чиновников, политиков, масс-медиа, нередко и их лидеров, так обычно и называются – «диаспорами». Зачастую «диаспоры» целенаправленно конструируются для этих целей властями «внешних национальных родин» [15].

Это ставит активистов и участников НКО перед сложной проблемой: где грань между лояльностью культуре и лояльностью государству? Культуры не ревнивы, можно при желании жить в нескольких культурных мирах, одинаково свободно говорить на нескольких языках, иметь несколько культурных самоидентификаций без внутреннего конфликта и необходимости выбора. Государство же требует лояльности и, за редкими исключениями в случае двойного гражданства, однозначности выбора. Может ли это создавать ситуацию конфликта интересов и конфликта лояльностей во взаимоотношениях с властями у представителей диаспоральных групп и их организаций при культурном тяготении к «исторической родине» и использовании ее ресурсов для удовлетворения этнокультурных потребностей? Где оканчивается лояльность культуре и начинается лояльность государству?

Жесткую и однозначную границу провести трудно, если вообще возможно. Слишком много разных акторов и их позиций, которые могут со временем радикально меняться. Поэтому стоит рассмотреть несколько ситуаций, позволяющих увидеть разные грани проблемы.

«Почетный консул». В роли «почетного консула» попытался выступить в 1994 г. Совет Национального центра азербайджанцев Иркутской области «Тебриз». Поводом стали антикавказские, откровенно погромные статьи в иркутской национал-патриотической газете «Русский Восток». Совет «Тебриза» направил в адрес областной администрации обращение, в котором «Русский Восток» обвинялся в призывах «к резне, к ненависти к другим народам», а власти – в потворстве этому. Копия была направлена в азербайджанское посольство, которое обратилось с запросом в МИД России. Из МИДа последовал запрос в администрацию Иркутской области, проигнорировать который оказалось невозможно. Администрация области выразила «крайнее недоумение вызывающему, ультимативному тону этого письма, агрессивному разговору представителей центра в администрации области <...> Информировав Вас об ультимативном обращении общества “Тебриз” в администрацию области, обращаем Ваше внимание на недопустимое поведение его руководителей» [4, с. 142–146]. Раздражение и протест иркутских властей вызвал не факт обращения руководства российской общественной организации в посольство другой державы, не вмешательство этого посольства во внутренние дела, а «вызывающий тон» заявления. От посольства требуют одернуть непочтительных авторов, не ставя под сомнение его права на это. «Государство происхождения» рассматривается, хотя и неосознанно, как патрон «диаспоры».

Основателем и многолетним лидером «Таджикского национально-культурного общества “Самониды”» в Иркутске, преобразованного в

2006 г. в «Таджикское национально-культурное общество “Пайванд”», является торговый представитель Республики Таджикистан в Иркутской области. Почти двадцать лет он успешно совмещает функции общественного деятеля (этот статус предполагает наличие российского гражданства) и чиновника иностранного государства. Он был организатором проведения президентских выборов среди таджикских граждан Иркутской области (2014 г.), от лица общества публиковал в Таджикистане политические заявления в поддержку политики Президента Таджикистана Э. Рахмона. Фактически в его лице НКО берет на себя функции представительства государства, выступает в роли своеобразного «почетного консула» [7, с. 367]. Основатель и первый руководитель НКА «Кыргызстан» в Томске Рустам Абдуманапов в сентябре 2017 г. был официально назначен на пост Почетного консула Кыргызской Республики в Томской области [16].

«Конфликт портретов». Из интервью ответственного секретаря комиссии Совета при Президенте РФ по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики Андрея Худолеева: «...меня всегда настораживает один момент. Заходишь в кабинет, который занимает, например, грузинская автономия, а там висит портрет президента Грузии. Какое отношение он имеет к российской национально-культурной автономии? Или, например, в кабинете белорусской автономии находится портрет президента Белоруссии. Тяга к исторической родине понятна. И эта тяга порой доходит до того, что представители автономий даже ведут активную политическую деятельность на своей исторической родине, лоббируют ее интересы в российских политических структурах. Эта проблема для России существует, и она отслеживается. И здесь стоит вспомнить, что согласно закону РФ цель НКА – это культурная деятельность и никакая иная» [8, с. 21]:

Это вполне официальная позиция должностного лица. Учитывая неопределенность понятий «политическая деятельность» и «лоббизм» при применении закона об «иностранцах агентах», можно предполагать значительные изменения в ситуации «двойных лояльностей». Причем не только в отношении к государствам, но и к культурам.

Заключение

В силу особенностей своего генезиса и развития НКО стали местом встречи властей и общественности, местом взаимного притяжения и конфликта, площадкой совместных действий и реализации разнообразных, часто не совпадающих целей. Здесь мы можем наблюдать ситуацию симбиоза, которая в принципе устраивает всех ее участников. Энтузиасты развития национальной культуры получают санкцию властей, сравнительно небольшие, но важные материальные и символические ресурсы, инстру-

менты для презентации себя в качестве этнической группы («диаспоры») в городском сообществе. Лидеры могут получить символические и вполне материальные бонусы, выступая в роли посредника между конструируемой ими «диаспорой», властями и «исторической родиной».

В ситуации с мигрантами они могут стремиться к контролю над их присутствием и интеграцией в принимающее общество для предотвращения возможных конфликтов и эксцессов, раздражающих горожан, – ведь это может бить по репутации этнической группы в целом, особенно ее видных представителей. Совершенно не исключены мотивы альтруистические. Но присутствуют и вполне деловые соображения, извлечение коммерческих выгод при осуществлении посреднических функций. В любом случае формирование образа «лидеров диаспоры», контролирующих мигрантов и их поведение, радикально повышает их вес и значимость при взаимоотношениях с властями.

Власти нуждаются в механизмах контроля над миграционными процессами и понимают, что только полицейского инструментария для этого недостаточно. Необходим механизм получения информации и обратной связи. НКО в качестве институционализированного партнера их вполне устраивают. И они готовы закрывать глаза на очевидное для более или менее профессиональных чиновников обстоятельство, что мигранты не представляют единого национального тела, управляемого «начальниками диаспор». Но иллюзии видимости такой ситуации им достаточно для решения собственных проблем, связанных с накоплением социального капитала. К тому же им привычно и удобно иметь дело с бюрократизированной верхушкой, с которой можно и нужно обсуждать, чьи портреты должны висеть в офисах НКО, особенно если эти офисы предоставляются и оплачиваются государством.

Какова же роль в этой ситуации самих мигрантов? Вполне очевидно, что в ситуации с НКО они представляют не самостоятельный субъект взаимоотношений, а объект управления (по возможности) и инструмент решения задач, не имеющих к ним прямого отношения. Они, в принципе, не нуждаются в решении культурных проблем. А проблемы адаптации, особенно натурализации, обычно решаются помимо НКО. Опросы в Томске и Иркутске только подтверждают, что мигранты и НКО живут в разных плоскостях, хотя эпизодически вступают в контакт.

Сотрудничество руководителей и активистов НКО и властей, в принципе взаимовыгодное, не может обходиться без конфликтов. Чиновников могут раздражать слишком большие, по их мнению, запросы лидеров НКО, не подкрепленные их способностью «решать проблемы». Раздражают и ситуации, когда активисты «суются куда не надо», особенно в ситуациях эксцессов полицейских методов управления миграционными про-

блемами. Настороженность и подозрительность вызывает вполне одобряемая еще несколько лет назад «народная дипломатия» НКО, их связи и контакты с «историческими родинками». Эти контакты по определению не могут удерживаться в разрешенных рамках сотрудничества с неправительственными акторами. Особенно в тех случаях, когда «государства исхода» ведут активную, наступательную диаспоральную политику. Тем не менее противоречия и конфликты не мешают устоявшемуся, рутинному и взаимовыгодному сотрудничеству НКО с органами власти регионального и муниципального уровня, силовыми ведомствами.

И, наконец, о региональной специфике. Отличается ли ситуация в исторических столицах сибирского переселенческого общества в Томске и Иркутске от общероссийской? Существует устоявшееся убеждение, можно сказать – стереотип, суть которого выражена в распространенном слогане: «Сибирь – территория согласия». На всех уровнях, в официальной и неофициальной обстановке журналистами, представителями элиты и простыми обывателями развивается мысль о том, что своеобразие исторических судеб Сибири, специфика формирования населения края предопределяют уникальную атмосферу «международного согласия» [2, с. 436–532]. Однако сравнение деятельности НКО двух сибирских городов с региональными кейсами [24] позволяет сделать вывод, что принципиальных отличий от общероссийской ситуации здесь не наблюдается.

Литература

1. Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинками // Диаспоры. – 2000. – № 3. – С. 6–32.
2. Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2011. – 624 с.
3. Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). – М.: Наталис, 2000. – 190 с.
4. Дятлов В.И. «И тогда мама взяла обрез...». Самосуд и отношение к «чужакам» в общественном мнении российской провинции 1990-х годов // Вестник Евразии. – 2008. – № 4 (42). – С. 142–176.
5. Дятлов В.И., Нам И.В. Национально-культурные организации в современном сибирском городе: проблема этнического представительства // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 4, ч. 2. – С. 473–479.
6. Иркутск в панораме веков: очерки истории города / отв. ред. Л.М. Дамешек. – Иркутск: Восточно-Сибирская изд. компания, 2003. – 511 с.
7. Калугина Г. Национально-культурные общества: посреднические и коммуникативные функции в городском сообществе (на примере Иркутска) // Мест-

ные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков. – Иркутск: Оттиск, 2012. – С. 353–368.

8. *Лысенко И.* «В Интернете изменилась тональность запросов: меньше интересуется негатив, больше спрашивают о культуре народов»: интервью с Андреем Худолеевым // *Этно-Мир на Енисее. О народах Красноярского края.* – 2017. – № 15. – С. 16–21.

9. Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2010. – 640 с.

10. *Мукомель В.* Трудовые мигранты в контексте проблем демографического, экономического и социального развития России // *Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России.* – СПб.: Скифия-принт, 2016. – С. 33–42.

11. *Нам И.* «Новые» этнические группы (диаспоры) в Томске // *Вестник ТГУ. История.* – 2015. – № 5. – С. 33–43.

12. Национально-культурная автономия: проблемы и суждения (по материалам заседаний круглого стола в Центре «Этносфера»). – М.: Этносфера, 1998. – 168 с.

13. *Осипов А.Г.* Национально-культурная автономия после СССР: символическая или инструментальная политика? // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* – 2012. – Т. 8, № 1. – С. 200–222.

14. Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. – Томск: НТЛ, 2004. – 440 с.

15. *Румянцев С.* Реванш симулякра: бюрократические и дискурсивные стили воображения азербайджанской диаспоры // *Миграционный кризис: международное сотрудничество и национальные стратегии (22–23 сентября 2016 г., Москва)* / под ред. В. Малахова и М. Симона. – М.: Дело, 2017. – С. 175–200.

16. Рустам Абдуманов стал почетным консулом Киргизии в Томской области // *РИА Томск.* – 2017. – 22 сентября. – URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20170922/poslom-kirgizstana-v-tomskoj-oblasti-stal-rustam-abdumanapov/> (дата обращения: 24.02.2021).

17. *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // *Вестник Евразии.* – 2000. – № 1 (8). – С. 47–62.

18. *Шайн Г., Барт А.* Диаспоры и теория международных отношений // *Современная наука о международных отношениях за рубежом: хрестоматия: в 3 т.* / под ред. И. Иванова. – М.: НП РСМД, 2015. – Т. 2. – С. 961–995.

19. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.». – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 24.02.2021).

20. Федеральный закон от 4 ноября 2014 г. N 336-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 4 Федерального закона “О национально-культурной автономии”». –

URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70781664/paragraph/1:0> (дата обращения: 24.02.2021).

21. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/72092260/paragraph/1:2> (дата обращения: 24.02.2021).

22. Решение Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации. – URL: <http://council.gov.ru/media/files/syEGBh1KrC4bVjAz9Pn3NVw9WVIjhVvz.pdf> (дата обращения: 24.02.2021).

23. Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / науч. ред.: В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – 343 с.

24. *Berg-Nordlie M., Tkach O.* «You Are Responsible for Your People». The Role of Diaspora Leaders in the Governance of Immigrant Integration in Russia // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. – 2016. – Vol. 24, N 2. – P. 173–198.

Статья поступила в редакцию 20.02.2020.

Статья прошла рецензирование 04.03.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.2-283-304

**NATIONAL-CULTURAL ORGANIZATIONS
IN THE SIBERIAN ETHNIC
AND MIGRANT URBAN INFRASTRUCTURE:
A CASE STUDY OF THE CITIES OF TOMSK
AND IRKUTSK***

Dyatlov Victor,

Dr of Sc. (History), Professor,

Professor at the Department of World History and International Relations,

Irkutsk State University,

1 Karl Marx Street, Irkutsk, 664003, Russian Federation;

Leading Research Fellow

Laboratory for Social and Anthropological Research,

National Research Tomsk State University,

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3584-6009

vikdyatlov@yandex.ru

Nam Iraida,

Dr of Sc. (History), Associated Professor,

Professor at the Department of Anthropology and Ethnology,

Head of Laboratory for Social and Anthropological Research,

National Research Tomsk State University,

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3636-7539

namirina@bk.ru

Abstract

The article explores one of the major points of contradiction in the interests and roles of Siberian urban actors with regard to so-called “national-cultural” organizations (*natsional’no-kul’turnye organizatsii*, NKO, also known as *natsional’no-kul’turnye avtonomii*, NKA), “national-cultural” associations, centers, foundations, etc., all of which are ethnic organizations. Specifically, it looks into why and how these organizations have become the centre of intersecting ethnic and migration discourses, what is their role and place in the urban infrastructure being created and used by migrants coming to Siberian cities, and how the relations between the state and national-cultural organizations formed at the regional level. Carried out in the Siberian urban centres of Tomsk and Irkutsk, our 30-year research into these questions (including thorough research methods such as observation, engagement in public events and public and advisory council meetings, interview and survey, analysis of documents and other materials released by national-

* The article is written as part of the project No. 18-18-00293, titled ‘Creation and use of urban infrastructure by migrants in Siberian cities’ supported by the Russian Science Foundation (RNF).

cultural organizations as well as by the mass media) has enabled us to determine what place national-cultural organizations occupy in the migrant infrastructure of the two cities and to establish what kind of relations there is between these organizations and migrants from countries of the same ethnic origin – paternalistic or the one that allows leaders and activists from these organizations build their own social capital. The study of 2018 and 2019 – in-depth interviews and surveys held in Tomsk and Irkutsk – resulted in a substantial correction of the research results we had obtained in a few years prior to it. It revealed that the role migrants play in the local national-cultural organizations is not that of full members, rather, they act as an object of patronage on the part of the local ethnic elite deeply integrated into the host society (or ethnic activist groups that position themselves as such). In fact, the (social, economic and legal) support of these organizations provided to migrants is insignificant, and only a small number of migrants participate in cultural events organized by the local NKO. Thus, these NKOs can hardly be seen as an element of the migrant infrastructure or an asset facilitating adaptation of migrants in these cities. It also became clear that migrants' ties with their “historical homeland”/home countries, which the local national-cultural organizations take advantage of in sustaining their activities as well as the status of their leaders, often result in the issue of “conflicting loyalties”, especially when home countries actively conduct diasporic politics toward this category of their citizens abroad.

Keywords: diaspora, migrants, migrant infrastructure, ethnic organizations, ethnic identity, historical homeland.

Bibliographic description for citation:

Dyatlov V., Nam I. National-Cultural Organizations in the Siberian Ethnic and Migrant Urban Infrastructure: A Case Study of the Cities of Tomsk and Irkutsk. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 1, pt. 2, pp. 283–304. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.2-283-304.

References

1. Brubaker R. “Diaspory kataklizma” v Tsentral’noi i Vostochnoi Evrope i ikh otnosheniya s rodinami [“Accidental diasporas” and external “Homelands” in Central and Eastern Europe]. *Diaspory*, 2000, no. 3, pp. 6–32. (In Russian).
2. Dyatlov V.I., ed. *Vostok Rossii: migratsii i diaspory v pereselencheskom obshchestve. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [Russian East: migrations and diasporas in the resettlement society. Turns of 19–20 and 20–21 centuries]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2011. 624 p.
3. Dyatlov V.I. *Sovremennye torgovye men’shinstva: faktor stabil’nosti ili konflikta? (Kitaitsy i kavkaztsy v Irkutske)* [Modern trading minorities: a force for stability of conflict? (Chinese and Caucasians in Irkutsk)]. Moscow, Natalis Publ., 2000. 190 p.
4. Dyatlov V.I. “I togda mama vzyala obrez...”. Samosud i otnoshenie k “chuzhakam” v obshchestvennom mnenii rossiiskoi provintsii 1990-kh godov [“And then mother took a sawn-off shotgun...”. Lynching and the attitude towards “outsiders” in the public opinion of the Russian province of the 1990s]. *Vestnik Evrazii = Acta Eurasica*, 2008, no. 4 (42), pp. 142–176.

5. Dyatlov V.I., Nam I.V. Natsional'no-kul'turnye organizatsii v sovremennom sibirskom gorode: problema etnicheskogo predstavitel'stva [National-cultural organisations in contemporary Siberian cities: issues of ethnic representation]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 4, pt. 2, pp. 473–479.

6. Dameshek L.M., ed. *Irkutsk v panorame vekov: ocherki istorii goroda* [Irkutsk in the prospect of centuries: Essays on the history of the city]. Irkutsk, East Siberian Publishing Company, 2003. 511 p.

7. Kalugina G. Natsional'no-kul'turnye obshchestva: posrednicheskie i kommunikativnye funktsii v gorodskom soobshchestve (na primere Irkutska) [National-cultural societies: mediation and communicative functions in the urban community (on the example of Irkutsk)]. *Mestnye soobshchestva, mestnaya vlast' i migranty v Sibiri na rubezhakh XIX–XX i XX–XXI vekov* [Local community, local authorities and migrants in Siberia. Turn of 19–20 and 20–21 centuries]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2012, pp. 353–368.

8. Lysenko I. “V Internete izmenilas' tonal'nost' zaprosov: men'she interesuet negativ, bol'she sprashivayut o kul'ture narodov”: interv'yu s Andreem Khudoleevym [“The tone of inquiries has changed on the Internet: the negative is less interested, and the more is asked about the culture of the people”. Interview with Andrey Khudoleev]. *Etno-Mir na Enisee. O narodakh Krasnoyarskogo kraya*, 2017, no. 15, pp. 16–21. (In Russian).

9. Dyatlov V.I., ed. *Migratsii i diaspory v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [Migration and diaspora in the socio-cultural, political and economic space of Siberia. Turn of 19–20 and 20–21 centuries]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2010. 640 p.

10. Mukomel' V. Trudovye migranty v kontekste problem demograficheskogo, ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiya Rossii [Labor migrants in the context of demographic, economic, and social development of Russia]. *Trudovaya migratsiya i politika integratsii migrantov v Germanii i Rossii* [Labor migration and the policy of migrants' integration in Germany and Russia]. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 2016, pp. 33–42.

11. Nam I. “Novye” etnicheskie gruppy (diaspory) v Tomske [“New” ethnic groups (“diaspora”) of Tomsk]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Tomsk State University Journal of History*, 2015, no. 5, pp. 33–43.

12. *Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya: problemy i suzhdeniya (po materialam zasedanii kruglogo stola v Tsentre “Etnosfera”)* [National-cultural autonomy: problems and views (following the round table at the center “Ethnosphere”)]. Moscow, Etnosfera Publ., 1998. 168 p.

13. Osipov A.G. Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya posle SSSR: simvolicheskaya ili instrumental'naya politika? [National-cultural autonomy after the USSR: symbolic or instrumental policies?]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS = Political Expertise: POLITEX*, 2012, vol. 8, no. 1, pp. 200–222.

14. Dmitrienko N.M., ed. *Tomsk ot A do Ya: Kratkaya entsiklopediya goroda* [Tomsk from A to Z: A Brief Encyclopedia of the City]. Tomsk, NTL Publ., 2004. 440 p.

15. Rumyantsev S. [Revenge of the simulacrum: bureaucratic and discursive styles of imagination of the Azerbaijani diaspora]. *Migratsionnyi krizis: mezhdunarodnoe sotrud-*

nichestvo i natsional'nye strategii [Migration crisis: International cooperation and national strategies], (22–23 September 2016, Moscow). Ed. by V. Malakhov, M. Simon. Moscow, Delo Publ., 2017, pp. 175–200. (In Russian).

16. Rustam Abdumanapov stal pochetnym konsulom Kirgizii v Tomskoi oblasti [Rustam Abdumanapov became the honorary consul of Kyrgyzstan in the Tomsk region]. *RIA-Tomsk*, 2017, 22 Septevber. (In Russian). Available at: <https://www.ria-tomsk.ru/article/20170922/poslom-kirgizstana-v-tomskoj-oblasti-stal-rustam-abdumanapov/> (accessed 24.02.2021).

17. Hobsbawm E. Izobretenie traditsii [The Invention of Tradition]. *Vestnik Evrazii = Acta Eurasica*, 2000, no. 1 (8), pp. 47–62. (In Russian).

18. Schein J., Bart A. Diaspory i teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii [Diasporas and the theory of international relations]. *Sovremennaya nauka o mezhdunarodnykh otnosheniyakh za rubezhom*. T. 2 [Modern science of international relations abroad: a reader in three volumes. Vol. 2]. Moscow, RIAC Publ., 2015, pp. 961–995. (In Russian).

19. Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 no. 1666 “On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period until 2025”. (In Russian). Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (accessed 24.02.2021).

20. RF Federal Law of November 4, 2014 no. 336-FZ “On Amendments to Articles 1 and 4 of the Federal Law ‘On National Cultural Autonomy’”. (In Russian). Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/70781664/paragraph/1:0> (accessed 24.02.2021).

21. Decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018 no. 622 “On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025”. (In Russian). Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/72092260/paragraph/1:2> (accessed 24.02.2021).

22. Decision of the Council for Interethnic Relations and Interaction with Religious Associations under the Federation Council. (In Russian). Available at: <http://council.gov.ru/media/files/syEGBh1KrC4bVjAz9Pn3NVw9WVIjhVvz.pdf> (accessed 24.02.2021).

23. Dyatlov V.I., Grigorichev K.V., eds *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: Space of Bargaining and Place of Meeting]. Irkutsk, ISU Publ., 2015. 343 p.

24. Berg-Nordlie M., Tkach O. “You Are Responsible for Your People”. The Role of Diaspora Leaders in the Governance of Immigrant Integration in Russia. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2016, vol. 24, no. 2, pp. 173–198.

The article was received on 20.02.2020.

The article was reviewed on 04.03.2020.